

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИИ

УДК 330.1

О. И. Ожерельев

СОБСТВЕННОСТЬ И ГОСУДАРСТВО В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ*

Для понимания того, что представляет собой современное российское общество, необходимо проанализировать, прежде всего, две его фундаментальные составляющие — собственность и государство. При этом содержание всех форм собственности можно понять только через анализ характера и особенностей современного государства. Но, что самое важное, и специфику государства, его природу нельзя понять без конкретного анализа движения, а точнее — процесса присвоения уже накопленного и вновь создаваемого богатства общества.

Для современной России это вдвойне справедливо. В нашем обществе политико-властные и экономические формы и структуры не просто взаимосвязаны и переплетены. Они в значительной мере слились в единое целое, в неразделимую конструкцию присвоения-отчуждения всех форм богатства.

Последние качественные изменения в сущности государства и собственности в России завершились к началу второго десятилетия XXI в. Сложилась принципиально новая политико-экономическая система. Государство и все его институты оказались приватизированными бюрократией и превращены ею в наиболее эффективный инструмент собственного бизнеса. Огосударствление практически всех сторон общественной жизни сопровождалось замещением демократических форм регулирования авторитарными. При этом политико-экономическая конструкция причудливым образом соединила

* Статья печатается в порядке обсуждения.

Олег Иванович ОЖЕРЕЛЬЕВ — д-р экон. наук, профессор. Окончил Экономический факультет ЛГУ (1967) и аспирантуру (1969). С 1969 по 1984 г. работал ассистентом, доцентом, профессором кафедры политической экономики ЛГУ. 1982—1984 гг. — был деканом Экономического факультета ЛГУ; с 1984 по 1991 г. — зав. сектором экономических наук, зав. подотделом науки ЦК КПСС; в 1991 г. — помощник Президента СССР. С 1992 г. работает в компаниях финансово-инвестиционного сектора экономики. Сфера научных интересов — фундаментальные проблемы экономической теории и экономической политики.

Основные работы: *Основной экономический закон и его использование в управлении народным хозяйством*. Л., 1973; *Механизм действия основного экономического закона социализма*. Л., 1979; *Совершенствование производственных отношений*. М., 1986; *О динамике нормы прибавочной стоимости и стоимости рабочей силы в условиях научно-технического прогресса* // *Вестн. Ленингр. ун-та*. 1975. № 23; *Политическая экономия: учебник*. М., 1988 (в соавторстве); *Общество, в котором нам жить* // *Общество и экономика*. 1992. № 1.

© О. И. Ожерельев, 2011

в себе элементы трех предыдущих формаций, имевших место в тысячелетней истории России: социализма, капитализма и феодализма.

От социализма — вертикаль власти, монополию одной партии и риторику заботы о народе, от капитализма — подчиненность всех сторон жизни частнособственническому присвоению, от феодализма — наделение чиновников федеральной, региональной и местной власти возможностями своего рода «кормления», многочисленными привилегиями и иммунитетами.

Феодальные элементы отношений в обществе предполагают, что получению места в бюрократической иерархии соответствует и получение определенной вотчины, в рамках которой устанавливаются свои правила, внутри этой вотчины никто не должен посягать на порядок сбора податей и оброка с населения вверенных территорий и сфер деятельности. Один из примеров, раскрывающих элементы феодализма иерархии власти, — инициированная сверху информация о ситуации в мэрии Москвы. Во-первых, причина смены мэра. Хотя давно накопилось множество оснований, по которым необходимо было провести кадровую чистку в Москве, освободили Ю. М. Лужкова, по словам премьера, за то, что он не налажил отношения с начальником, вовремя с ним не договорился. Во-вторых, новый мэр как новый начальник получил неограниченные права по замене всей властной элиты Москвы с вытекающими из этих перемещений экономическими последствиями.

В данном случае дело не в том, правильно это решение или нет. Важно понять и констатировать принцип функционирования власти: с одной стороны, он является авторитарным, с другой — на каждом уровне начальник имеет властные и экономические права и обязанности, во многом схожие с правами и обязанностями феодала. Замены властных элит неизбежно ведут к переделам собственности.

Развитие и усложнение внутренней структуры общества неизбежно порождают все возрастающие потребности регулирования и координирования со стороны государства. Но это координирование может осуществляться либо через единые правовые регуляторы, либо посредством административных решений госчиновников. Если властная элита ставит задачу повышения эффективности государственного управления для общего блага всего населения страны, то необходимы правовые формы регуляции, если же ставится задача передела собственности и обогащения самой властной элиты, то наиболее подходящими способами регуляции становятся административные, нередко в устной форме, иногда в форме намека. Отсюда и огромное разнообразие форм частно-личного участия властной элиты в присвоении общественного богатства.

Почему российская государственность пошла по второму пути?

В начале века к власти пришла новая постельцинская элита. Реально стояла задача не только освоить еще не приватизированные остатки советской собственности. Надо было «оттащить от кормушки» предшественников, которые уже «достаточно наполнили свои карманы».

Многим памятна знаменитая перепалка на совещании у бывшего президента, когда М. Ходорковский предложил забыть старые грехи первых лет приватизации и начать жизнь, что называется, с чистого листа, но уже исключительно по государственным законам. Мог ли быть принят такой подход новой властной элитой? Вопрос, как говорится, риторический.

Чтобы точнее понять суть происходящего процесса раздвоения природы государства, в определенном смысле его перерождения, важно отделить необходимые правовые функции регулирования и координирования в интересах общества от чисто административных функций.

Принятие законов и правовых норм, пусть даже в малой мере, но требует публичных обсуждений. Административные методы как волевые решения и указания начальника не нуждаются в гласности и благодаря этому могут без оглядки на законы и общественное мнение неограниченно использоваться исключительно в угоду потребностям узкоэгоистических интересов класса бюрократии и каждого чиновника в отдельности. Телефонное право вытесняет закон. Такое возможно только при отсутствии политической конкуренции. У нас исполнительная власть на всех уровнях подмяла под себя законодательную. В этом смысле мы вернулись в социализм.

Две взаимосвязанные, но все же принципиально различающиеся стороны, в каком-то смысле две сущности Российского государства — правовая и неопределяемая законом — административная, все более начинают осознаваться обществом, однако в специфически российской форме. Большинство граждан России воспринимают госвласть как абсолютно независимую от них силу, более того, постепенно становящуюся чуждой и даже злой силой. Но в то же время сохраняется парадокс раздвоения сознания — государство, отождествляемое с первыми лицами, все же выглядит как праведное (правовое), справедливое, заботливое и даже мудрое, а государство как административная система депутатства и чиновничества — злой силой, да еще и сросшейся с криминалом и не только в станице Куцёвской, во всем Краснодарском крае, но и повсеместно.

Но почему и каким же образом первые лица государственной власти в сознании народа отделяются от всей пирамиды власти? Дело в том, что при отсутствии политической конкуренции первые лица существуют для общества преимущественно лишь виртуально, по телевизору, при этом говорят они приятные для большинства людей слова. Их появлению в народе всегда предшествует такая подготовка, что реальность оказывается заретушированной, и главное — сопровождается торжеством справедливости и ярко провозглашаемыми благими намерениями. Они всегда говорят о светлом будущем, в которое, вслед за первыми лицами, всем очень хочется верить.

Анализ реального механизма формирования и функционирования институтов государственной власти вскрывает всю иллюзорность, мифичность представления о том, что корень пороков, проблем лежит якобы в плохих исполнителях. Нет большего заблуждения, согласно которому системные пороки и беззакония в стране можно решить с помощью «перетряхивания» чиновников.

В авторитарно-бюрократической системе чиновники назначаются соответственно ступенькам пирамиды вертикали власти: каждый вышестоящий руководитель определяет, кто и каким образом будет исполнять его волю, его политику. Старая русская поговорка «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты» в пирамиде власти означает: скажи, кто твои подчиненные, и я скажу, кто ты. Если снять телевизионную завесу мистификации, то проявляется, что обретение госинстанциями принципиально новых функций, фактическое раздвоение и перерождение государства стало возможным и неизбежным вследствие внедрения особого механизма формирования госвласти.

Система выборов так организована и отлажена уже сложившимся составом властных институтов, что в ней заложена победа тех людей и партий, состав которых определен госаппаратом. Здесь разработан крупнейший арсенал средств и рычагов: недопущение к регистрации новых партий, возможности дискредитации и снятия до выборов негодных кандидатов и даже партий, контроль над средствами массовой информации, особенно на телевидении, расчистка политического поля от возможного высвечивания ярких личностей, искажения и лакировка статистических данных.

В результате в современной России формирование властных институтов стало почти независимым от граждан. Госаппарату удалось взять этот процесс исключительно под свой контроль. Из механизма формирования госвласти выкорчевана сама возможность равных условий для конкуренции партий и личностей. Представительные органы власти, включая Госдуму и Сенат, перестали быть местом хотя бы для дискуссий, не говоря уж о реальном отстаивании интересов общества.

Последний островок демократии — Конституционный суд — реформирован так, чтобы исключить его неуправляемость и непредсказуемость.

В той мере, в какой депутаты всех уровней избираются по спискам, прямо утвержденным либо согласованным с администрацией, депутатские собрания превращаются из представительной власти народа в представительную власть администрации. Депутаты, Конституционный суд и суды в целом стали частью авторитарно-бюрократической системы. Они становятся канцеляриями по штампованию законов и решений, уже одобренных руководством административной системы. Все это и означает, что государственные институты перестали быть институтами общества, они монополизированы и в этом смысле приватизированы сложившимся административно-бюрократическим классом.

Если в механизме прихода к власти, например, мэров Москвы и Петербурга роль горожан сведена к нулю, то объективно и сами мэры, и служащие им депутаты, и работники аппарата мэрии становятся независимой от граждан силой.

Но по такому принципу назначения построена вся вертикаль власти, включая весь депутатско-сенаторский и судейский корпус и даже государственные средства массовой информации. На всех уровнях и во всех властных структурах существуют зависимость, контролируемость и подотчетность исключительно только внутри самой властно-бюрократической системы. А с введением Б. Н. Ельциным практики и механизма преемничества высшей государственной должности в стране реально оформились контуры авторитарно-бюрократической власти. Восемь лет спустя эта система была дополнена механизмом постоянного сохранения одним человеком роли национального лидера. А это уже означает, что в России реальна возможность пожизненного нахождения высшей власти у одного лица со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Все это свидетельствует, что в политико-правовой системе России произошли качественные изменения: вершину иерархической лестницы занял национальный лидер, выборность глав регионов фактически заменена их назначением, выборность депутатов, сенаторов и судей приобрела символический характер. Как мы помним, когда-то провозглашалась задача установления диктатуры закона, но реально Россия стала страной победившего авторитарно-бюрократического строя, создавшего для благообразного закрепления своего положения собственную партию и успешно преобразовавшего представительную власть народа в представительную власть госаппарата.

Но, может быть, такое политико-правовое устройство является наиболее приемлемым для России? Как можно оценить прогрессивность и эффективность политической системы страны? На наш взгляд, только через сравнение объективных статистических показателей динамики качества жизни людей и ВВП различных стран или же сравнение динамики указанных показателей одной и той же страны, но в периоды различных политико-правовых систем. Аналогичный подход должен быть и при сравнении различных властных элит, возглавляемых тем или иным конкретным руководителем страны.

Любой непредвзятый сравнительный анализ показывает, что из двадцати ведущих стран мира самый глубокий кризис охватил именно Россию и никаким планам об удвоении за десять лет, а потом и учетверении экономического потенциала за двадцать лет

(начиная с 2007 г.) не суждено сбыться. Так, в частности, планировалось, что в 2012 г. по сравнению с 2007 г. ВВП увеличится на 38%. Сейчас понятно, что в лучшем случае прирост составит не более 10%. Но если ВВП России будет расти темпами не 7–8%, как предполагалось, а 4% в год, то доля ее экономики в мировой останется равной 3%, причем постепенно будет уменьшаться, а значит, и разрыв в доходах населения России и Европы преодолеть не удастся.

Нельзя не видеть, что наиболее динамично развивается Китай. Может быть, его политико-экономический строй приемлем для нас в качестве ориентира? Увы! Россия прошла точку невозврата к аналогичной структуре власти: государственный капитализм, насквозь пронизанный коррупцией и переплетением с криминалом, непреобразуем, по крайней мере, теми лидерами, которые сами участвовали в создании сложившейся политико-экономической системы.

Если размышлять о создании противовесов, ограничений и о демократическом преобразовании авторитарно-бюрократической системы правления, то это возможно лишь через систему свободных выборов властных структур. Но есть ли объективные предпосылки к свободным выборам и гарантируют ли они прогресс? Ельцин, по крайней мере в первый раз, победил на свободных выборах. И Гитлер, кстати, тоже. Означает ли это, что свободные выборы — не панацея? Это, конечно, предмет для обсуждения. Но много аргументов в пользу того, что в нынешних условиях в России нет другого реального пути.

Но как же может возникнуть свобода выборов, если госструктуры в этом не заинтересованы? Казалось бы — либо постепенная деградация и затухание экономики страны, либо на горизонте снова маячит революция. Такой вывод был бы единственно верным при старом уровне развития информационных технологий, когда возможна была тотальная система контроля не только за средствами массовой информации, но и за выборными технологиями, за системой подсчета результатов голосования, а значит, за результатами выборов. Но Интернет взрывает устоявшиеся приемы мифологизации как самой партии власти, так и ее высших руководителей, а главное — системы их выборов.

Почему мы придаем такое большое значение гласности, информационной прозрачности? Ведь многие информированы достаточно, но это не ведет к росту оппозиционных настроений электората. Здесь дело в охвате гласностью широких слоев населения. Самый яркий пример — популярность Лужкова. Вроде бы все знали о том, что творится мэрией Москвы. Но рейтинг Лужкова зашкаливал. Однако стоило появиться ряду сюжетов на первых каналах телевидения, как его рейтинг буквально рухнул. А теперь, видимо, стремится к «ниже некуда».

С каждым годом поле для распространения иллюзий об отдельных деятелях и их бизнес-структурах не просто сокращается, а постепенно уходит в прошлое. Разоблачения Джулиана Ассанжа — только начало проникновения «луча света в темное царство» бюрократии во всем мире и особенно в нашей стране. Стала реальной возможность разоблачения любых махинаций, любых корыстных сделок, подтасовок, несправедных конкурсов и «распилов».

Все тайное неизбежно станет явным, а властные элиты начинают подпадать под контроль общества. Решение о введении визовых и экономических санкций против чиновников, связанных с делом Сергея Магницкого, — это лишь первый звоночек для нашей бюрократии. И бизнес, и выборные технологии, и вся закулисная жизнь государственных деятелей будут с неизбежностью становиться все более прозрачными. Жаль только, что это счастливое время приближается медленнее, чем хотелось бы.

Но как связана вся современная российская властная конструкция с отношениями собственности и экономическими отношениями в целом?

Объективность экономических отношений и экономических законов трактуется как независимость от воли и сознания, а далее нередко делается вывод и о независимости их от государства и издаваемых им правовых и административных актов. По большому счету, односторонний подход к объективности экономических отношений проистекает из неадекватного понимания механизма действия экономических законов. Но здесь не хотелось бы вдаваться в теоретические лабиринты этого вопроса: об объективности экономических отношений, первичности и вторичности экономики и политики, форме и содержании. В настоящей статье рассматривается лишь фактическая сторона участия государства в бизнесе и экономических отношениях собственности. Раскрытие всех форм и способов, роли и масштабов участия госструктур в присвоении-отчуждении позволяет объективно оценить наиболее существенные особенности современного российского общества.

В современной России государство не только сохранило функции законотворчества и нормотворчества, но и превратилось во всеохватывающую командную систему, в том числе оно стало субъектом всех экономических отношений собственности. При этом собственность является не только определяющим стимулом приумножения бюрократии, но и механизмом для возрастающей роли государства.

На поверхности явлений бизнес предстает как малый, средний, крупный, олигархический и государственный. Во всем мире для развития структуры отношений собственности определяющее значение имеет сравнительная экономическая эффективность различных форм хозяйствования. Поэтому целесообразность национализации либо приватизации определяется именно сравнительной эффективностью форм собственности. Причем для крупных объектов собственности эффективность собственника определяется его возможностями и способностью формировать эффективную управляющую команду и осуществлять над ней контроль с позиций интересов собственника.

В сознании и подсознании российского населения государственная собственность есть общенациональное достояние. Это нашло отражение даже в рекламных роликах «Газпром — национальное достояние». В обыденном представлении такие понятия, как «Россия» и «Российское государство», фактически ассоциируются в головах людей, особенно старшего поколения, как одно и то же. При таком восприятии в массовое сознание легко внедряется миф, что и государственная собственность в отличие от частной — это общая собственность всего народа. А потому она, конечно же, ближе, роднее и рабочему, и пенсионеру, и врачам, и учителям. Именно поэтому идея огосударствления стала популистской и для КПРФ, и для единороссов в связке со справедливороссами.

Мировой опыт свидетельствует, что и государство может быть достаточно эффективным собственником, но лишь, как минимум, при одном из двух условий:

1. В стране решающая роль принадлежит правовому механизму, во-первых, при формировании управляющей команды, а во-вторых, правовому механизму, принуждающему менеджмент работать в интересах государства, не позволяющего ни чиновникам, ни управленческому персоналу компаний при исполнении своих служебных обязанностей прибрать к рукам неконтролируемые обществом объекты госсобственности. Положительным примером могут служить скандинавские страны, где доля государства в распределении ВВП весьма велика. В России даже отдаленно нет аналогичной правовой системы регулирования государством финансовых и материальных потоков. И создать эти условия при отсутствии от-

крытой конкуренции в формировании представительной власти не представляется возможным.

2. Господствует власть такого монарха, диктатора (индивидуального или коллегиального), который однозначно ставит и решает определенную задачу экономического и политического развития. Примером могут служить сталинский режим в СССР, Пиночет в Чили, Китай, Сингапур. Но и это для современной России исключено. Уже сложившаяся авторитарно-бюрократическая система, включая механизм преемничества, не пропустит наверх просвещенного монарха, тем более что национальный лидер уже есть. Он молод и энергичен.

Авторитарно-бюрократический характер государства модифицировал все формы бизнеса и присвоения-отчуждения, т. е. все отношения собственности. На первый план здесь выступает государственная собственность, которая изначально порождена потребностями участия государства в присвоении ресурсов, необходимых ему для выполнения функций, возложенных на него обществом.

Мистификация государства и его собственности подпитывается, прежде всего, народной памятью о социализме, при котором государственную собственность не только в пропаганде, но и в реальной жизни пытались превратить в общенародную. Но даже тогда это получалось лишь в той мере, в какой Советское государство могло выражать интересы общества в целом или, как тогда говорили, выражать общенародные интересы. К сожалению, и там авторитарно-бюрократическая суть власти выхолостила и деформировала общенародный характер государственной собственности.

В настоящее время в рамках госсобственности складываются две формы участия в присвоении и два своего рода резервуара государственных ресурсов: госимущество и госбюджет. При этом источником пополнения обоих резервуаров выступают, во-первых, налоги и другие фискальные сборы как формы присвоения-отчуждения, а во-вторых, собственный бизнес государства: госкорпорации и всевозможные унитарные и совместные с частным бизнесом предприятия и организации. Уже на этой ступени анализа госсобственности выявляется, что удельный вес государства в присвоении ВВП составляет в России примерно 65% (20% — госкорпорации, 45% — госбюджетные предприятия и организации).

У некоторых исследователей вызывает сомнение правомерность отнесения в графу «присвоение государства» той части госбюджетных расходов, которые идут на выплаты госслужащим. Но разве, например, личный состав ФСБ, ФСО, ФАПСИ, СВР, МВД и т. д., достигший в последнее время, по разным оценкам, около 4 млн человек, не является неотъемлемой частью современного государства? А еще около 2 млн служащих налоговых, таможенных, регистрационных, инспекционных и других организаций не являются аппаратом государства? Российской статистикой расходы на содержание личного состава всего силового блока и всего аппарата власти в структуре использования ВВП относятся, видимо, на долю потребления домашних хозяйств. Но отличие вышеперечисленных домашних хозяйств от домашних хозяйств гражданского общества очевидно. И что тогда представляет собой государство, если оно не включает в себя весь госаппарат, все госорганы и всю армию чиновников (возросшую, кстати, в России по сравнению с СССР в несколько раз)?

По Конституции Россия является федерацией. Однако после выстраивания вертикали власти фактическое распределение полномочий и компетенций между различными уровнями публичной власти превратило Россию, с одной стороны, в централизованно-унитарное государство, а с другой — в феодально-удельную систему самостоятельных регионов и особенно республик. При этом наполнение и расходование бюджета опре-

деляются не едиными законами и нормативами, а сплошь и рядом в зависимости от личных взаимоотношений высших руководителей и чиновников центра и регионов, регионов и муниципалитетов. Даже в том случае, если существуют нормативно-правовые акты, они вовсе не препятствуют лично-бюрократическим процессам движения бюджетных средств.

Сложилась практика, когда из госбюджета волевыми решениями многомиллиардные ресурсы направляются в ту или иную республику, регион, олигархическую структуру, на то или иное политическое или спортивное мероприятие. Ввиду созданной властью невозможности общественного контроля над выделяемыми бюджетными ресурсами расходование их стало возможным по личному усмотрению соответствующих одариваемых руководителей республик, корпораций, строек. Даже слабые и очень ограниченные попытки контроля со стороны Счетной палаты дают некоторое представление о масштабах лично-частного присвоения посредством госсобственности.

Изъятие большей части валового продукта республик и регионов в центр и механизм раздачи в зависимости от личных отношений подрывает важнейшие стимулы экономической деятельности регионов и корпораций, задерживает их экономическое и научно-техническое развитие.

Волюнтаристские способы перераспределения денег из одних регионов в другие ведут к угнетенному состоянию большинства российских центральных и восточных регионов, к их стагнации, постепенному затуханию там самой жизни населения. Деградирующие дорожная сеть и ЖКХ, разваливающиеся здравоохранение и образование — все это неизбежные последствия неэффективного руководства и закулисного раздробивания нефтегазовых денежных потоков олигархическими структурами.

Если бы движение ресурсов через бюджет осуществлялось исключительно в соответствии и на условиях, закрепленных в Конституции, и единых всеобщих нормативных актах государства, и если бы за этим движением ресурсов был реальный контроль общества, то госимущество и госбюджетное движение средств представляли бы лишь государственную собственность. Но в той мере, в какой это движение определяется не законами и нормативами, а индивидуальными решениями руководителей различных институтов госвласти, возникает возможность участия депутатов и чиновников, особенно их руководителей, в лично-частном присвоении определенной доли регулируемых ими имущества и бюджетных ресурсов.

Непрозрачность и закрытость формирования и расходования бюджетов всех уровней скрывают истинную картину лично-частного присвоения через бюджетный механизм страны, регионов и муниципалитетов, а также картину реального использования госимущества и присвоения в госкомпаниях.

Раздвоение собственности как владения и как распоряжения-управления наблюдается в любом акционерном обществе. Но в частных компаниях границы распоряжения четко очерчены и закреплены законодательно, находятся под достаточным контролем собственников. Любые отклонения от законов и договоров, на основе которых осуществляется управление, влекут за собой правовые последствия.

Управление же в госкомпаниях неконтролируемо обществом как собственником. Менеджеры выступают наемными служащими, но не общества как формально юридического акционера, а той или иной инстанции власти. В госкорпорациях сохраняется лишь титул госсобственности, а функции реального распоряжения и использования переходят к менеджменту. Поэтому, что творится с реальным присвоением в госкорпорациях, общество может узнать только после специальных расследований. Но для этого к власти должны прийти силы, заинтересованные в таком расследовании.

Государственная собственность является юридической фикцией не только в госкорпорациях. Ее закрытый характер позволяет, например, развить мощнейшую систему привилегий всего класса бюрократии: собственная система транспорта, снабжение жильем, санаториями и домами отдыха, системой здравоохранения; собственные правила дорожного движения машин с мигалками и неприкасаемыми спецномерами и спецудостоверениями, собственные правила взаимоотношений с правоохранительными и судебными органами, правилами индульгенции правонарушениям. И этот перечень пополняется все новыми привилегиями и охранительными правами.

И дело здесь вовсе не в дополнительных благах, которые дают такие привилегии чиновникам, а в разрушительном отрицательном эффекте этих форм, в уничтожении связи жизни чиновника с жизнью граждан.

Если бы все привилегии госвласти можно было монетизировать и ликвидировать систему неравенства перед законом, то только одно это привело бы к колоссальному повышению эффективности работы чиновников, к немедленному оздоровлению всей жизни страны, в том числе и к недопущению накатывающей катастрофы межнациональных отношений. При нынешней системе проблемы населения не являются проблемами власти. Из окна шикарной иномарки с тонированными стеклами и личным сопровождением милицейских машин, прокладывающих путь едущему чиновнику, реальная жизнь подданных как-то не очень интересна. Проблемы населения не затрагивают чиновника лично, а потому и решаться они не будут. Эта разрушительная сторона сложившейся системы привилегий и неравенств перед законом, видимо, не осознается высшей властью, но именно она может оказаться смертельной не только для властной элиты, но и для страны.

Роль и масштабы участия госвласти в присвоении вовсе не ограничиваются госсобственностью. Специфика модели функционирования российского частного бизнеса состоит в том, что любой предприниматель имеет дело не с едиными государственно-правовыми нормами, а с конкретными людьми, обладающими властью. Вместо диктатуры закона сложилась диктатура бюрократов. И поскольку другого способа функционирования бизнеса в России не существует, то и обособленного от госвласти присвоения также нет.

Госвласть организует и контролирует присвоение не только всего госимущества и огромных потоков ресурсов, проходящих через бюджеты всех уровней. В силу того, что все административные функции по разрешению и контролю над предпринимательством принадлежат бюрократам, последние участвуют в присвоении результатов любого частного бизнеса, т. е. частная собственность в стране практически не существует без участия госвласти. И если госаппарат превратился в малозависимую от общества структуру, то появляется возможность превращения всех форм собственности, включая и государственную, в частно-личное присвоение всевозможных функционеров властных институтов. Объем и формы этого присвоения зависят теперь исключительно от личных качеств, места и роли человека-чиновника во властной иерархии. Присвоение посредством участия в госуправлении постепенно становится высшей, самой эффективной формой лично-семейного и кланового бизнеса.

Развитие государственно-административных волевых регуляций внесло качественные изменения в характер как государственной, так и частной собственности. Произошло размывание границ и частной и государственной собственности. Частное владение теперь далеко не адекватно частному присвоению владельца, поскольку здесь в различных, нередко никак не оформляемых документально формах активно участвуют бюрократы посредством федеральных, региональных и муниципальных администра-

тивных ресурсов. С другой стороны, то, что формально называется государственной собственностью, на деле в огромной мере содержит в себе элементы частного присвоения государственно-управленческим аппаратом.

Новый элемент сущности собственности присутствует на всех стадиях и во всех сферах производства, распределения, обмена и потребления всего общественного богатства. Господствующей и самой эффективной формой собственности и бизнеса в России является модель Лужков — Батурина. Этот тип хозяйствования стал не только классическим, но и всеохватывающим. Развиваться и процветать может только бизнес, непосредственно сросшийся, в том числе через родственников и друзей, с людьми госвласти, либо сросшийся с лоббистами и крышевателями. Самостоятельный, зависимый только от государственных законов и нормативов, бизнес в России практически невозможен.

В этом контексте эффект от выдвинутой президентом задачи приватизации заводов, газет и пароходов неочевиден. На первых порах в реальной жизни это разгосударствление превратится в передачу имущества из номинального владения государства в руки приближенного окол властного бизнеса. А бизнес, для которого главный ресурс — это ресурс связи с властью, не заинтересован в разрушении сложившейся монополии власти. Власть уже приватизирована, и менять устоявшийся порядок, как правило, не в интересах существующего бизнеса. Не заинтересован окол властный бизнес и в создании условий как для экономической, так и политической конкуренции.

Государство как система либо обслуживает еще чьи-то интересы, кроме собственных, либо оно быстро падет. Усилия государства как представителя интересов и потребностей общества должны бы быть направлены исключительно на благие дела: рост благосостояния населения, создание развитой экономической и социальной инфраструктур, безопасность страны и граждан и т. д. Но государство как бюрократическая структура депутатов, их многочисленных помощников и госслужащих может иметь и имеет возможность использования своего госстатуса для удовлетворения своих собственных бизнес-интересов. Опорой же государства становится всё возрастающий репрессивный аппарат с его силовыми структурами.

Инстинкт самосохранения властной элиты должен был бы толкать ее к развитию механизмов сдерживания и противовесов. Но этого не происходит. А потому власть, все более подавляя ростки гражданского общества, вынуждена будет опираться главным образом на силовые структуры, которые в последние годы перестраивались под борьбу с внутренними угрозами народных неповиновений и бунтов. Участники последних предусмотрительно выведены из-под юрисдикции судов присяжных.

Каждый индивидуальный человек власти находится в определенной системе, он часть системы, и если будет вести себя не по правилам этой системы, то будет отторгнут, а на его место придет другой, возможно, гораздо худший. Среди чиновников есть много прекрасных, талантливых и достойных людей. Но свойства нынешней госсистемы таковы, что властно-административное участие в движении материальных и финансовых потоков страны является не только возможной, но и необходимой служебной обязанностью бюрократа. Решения госаппарата должны были бы регламентироваться исключительно законами, быть прозрачными для общества и средств массовой информации. Но в настоящее время в России такого механизма нет. Просто иерарх более высокого ранга определяет рамки деятельности и осуществляет надзорные функции по отношению к инстанции рангом ниже. Роль общества здесь сведена к минимуму, стремящемуся к нулю.

Конечно, в истории возможны случаи, когда просвещенный монарх, авторитарный лидер страны опирается не на бюрократию, а на народ, тогда качество работы любого

чиновника оценивается по его способности обеспечивать решение действительно государственных задач, а любые попытки участия в собственно семейном или клановом бизнесе преследуются по всей строгости закона. Диктатура закона из красивой фразы превращается в реальную силу, которой вынуждены подчиняться даже люди, приближенные к трону. Может ли так быть в современной России? Очень хотелось бы в это верить.

Пока же административно-правовая система все дальше уводит страну от таких общецивилизационных ценностей, как социальная направленность экономики в противоположность олигархической, демократизация всех общественных взаимосвязей, равные права и свободы всех граждан, действенный общественный контроль за государственной властью и независимость от последней средств массовой информации.

Развитие Российского государства шло в направлении полного вывода власти из-под контроля народа. Достаточно посмотреть, как формируются госструктуры и чем они занимаются, попытаться понять, кто кого контролирует; становится очевидным, что не государство служит обществу, а наоборот, государственные функционеры из слуг народа превратились в его господ.

По мере превращения власти в авторитарно-бюрократическую формируется и обязательное участие власти во всех формах собственности. В России частная форма собственности по существу отсутствует. Правящим классом стала сама бюрократия, и в первую очередь ее интересы выражает государство. Такова политико-экономическая система России. Монополия во власти и в экономике неизбежно ведет в конечном счете к деградации. Таково общество, в котором мы живем.

Статья поступила в редакцию 20 января 2011 г.